

ХРАМЪ ЕДИНСТВА.

Каждый разъ, когда, бывало, пройдя полутемныя, прохладныя «сѣни», пойдешь къ «Императорской двери», отогнешь тяжелую завѣсу и увидишь передъ собою это сіяющее многоцвѣтною тишиною величіе, каждый разъ я вспоминалъ разсказъ о томъ, какъ былъ пораженъ восторгомъ Мохаммедъ Завоеватель, когда вступилъ сюда въ день паденія Византіи.

Уже свирѣпая толпа солдатъ хозяйничала въ храмѣ, воины дрались между собой за золотыя сосуды, сгоняли плѣнныхъ христіанъ, укрывшихся и ожидавшихъ въ церкви чуда, и связывали ихъ веревками въ длинныя вереницы.

Уже мечи сверкали надъ склоненными головами, одинъ изъ спахievъ въ неистовствѣ рубилъ безцѣнные красоты мрамора тяжелымъ топоромъ,—когда вошелъ Мохаммедъ.

Можетъ быть, у этихъ самыхъ дверей сошелъ онъ съ коня, пѣшіи приблизился къ созданію Юстиніана, прошелъ черезъ партексъ. Здѣсь онъ велѣлъ подать себѣ земли и посыпалъ ею голову: земныя битвы теперь кончены. Порывъ разрушенія еще кипѣлъ въ его сердцѣ, но, войдя, онъ сдѣлался тихъ, подобно овцѣ. И сказалъ... что можетъ сказать мусульманинъ? «Единъ Аллахъ»! Остановилъ руку разрушителя и съ негодованіемъ прогналъ насильниковъ.

— «Я купилъ у васъ побѣду обѣщаніемъ богатой добычи, это—правда. Идите, грабьте въ другихъ мѣстахъ, это же мѣсто будетъ неприкосновенно».

Ушли солдаты. Мохаммедъ долго оставался въ задумчивости, потомъ, обратясь къ христіанамъ, которые сбились подъ портиками, сказалъ имъ, что они могутъ спокойно возвращаться домой. Взошелъ на амвонъ и такъ говорилъ, обратясь къ своимъ улемамъ.

— «Домъ этотъ, поистинѣ, долженъ быть домомъ молитвы. Ничто не можетъ быть лучшимъ доказательствомъ могущества Бога: безъ Его чудеснаго вмѣшательства невѣрные при своей слабости не могли бы создать такого дома!

И улемы взошли на амвонъ и раздались звуки стиховъ Корана; Мохаммедъ совершилъ благодарственный намазъ предъ христіанскимъ алтаремъ, который столько вѣковъ былъ «твердынею вѣры», охранявшей Европу отъ Востока. Въ Константинополь были мечети, которыя служили для молитвы магометанамъ-гражданамъ города, иныя изъ нихъ были подземныя, и въ нихъ Исламъ скрывался, какъ нѣкогда христіанство въ катакомбахъ; была одна прекрасная и

просторная,—арабская мечеть, ее и до сихъ поръ проводники показываютъ иностранцамъ. Но Мохаммедъ отвергъ ихъ все. Онъ былъ охваченъ восторгомъ передъ божественнымъ произведеніемъ Антемія изъ Траллеса и говорилъ, что молитва можетъ быть всего скорѣе услышана, если ее произносить въ этомъ «языческомъ» храмѣ.

И въ слѣдующую пятницу церковь была обращена въ мечеть. Роскошная и разнообразная утварь—«орудія суевѣрія», какъ называли ее турки,—была удалена, кресты сняты, стѣпы, покрытыя мозаикой и изображеніями, выбѣлены и возвращены къ ихъ обнаженной простотѣ. И въ этотъ же день или въ слѣдующую пятницу муэдзинъ взошелъ на самое высокое мѣсто на крылѣ храма и произнесъ азамъ—публичное приглашеніе на молитву. Съ гордостью и съ насмѣшкой надъ всемъ христіанскимъ міромъ разсказывалъ объ этомъ когда-то Саадъ-эд-Динъ въ своей новѣсти о паденіи Константинополя. «Тамъ, гдѣ слышался скучный голосъ языческаго колокола,—тамъ усердіемъ повелителя зазвучали голоса мусульманъ и четверичный возгласъ вѣры Ахмедовой,—благороднѣйшее среди иѣснопѣній; и иѣзкая гармонія призыва на молитву ласкала слухъ людей» ...

Каждый разъ, когда, бывало, пройдя полутемный нартексъ, войдешь и увидишь передъ собою свѣтлую мистерию Святой Софіи, невольно вспоминаешь это и думаешь, что есть на свѣтѣ силы, которыя побѣждаютъ самихъ побѣдителей: силепъ мечъ, силепъ и огонь, силепъ ужасъ войны, но искусство ихъ сильнѣе! Турки побѣдили Византію, а ея искусство побѣдило турокъ. Геройское и страшное сопротивление, оказанное туркамъ защитниками Константинополя, ихъ не остановило, и въ жаждѣ крови понеслись они бурей по улицамъ Византіи, истребляя людей. Но у порога послѣдняго великаго созданія греческаго генія остановился звѣрь, умиротворенный, и сказалъ, что оно божественно,—это «печистое» твореніе невѣрныхъ! И величайшій разгромъ былъ остановленъ, и поднятый мечъ отвлотился.

И сами византійцы смотрѣли на Святую Софію точно такъ же, какъ и Мохаммедъ Завоеватель: какъ на иѣкоторое чудо. Философъ Прокопій, что далъ въ своей «Aedificia» описаніе великой церкви, говоритъ, что безъ особой помощи Божіей она не могла бы быть выстроена; только вдохновеніе, посланное небомъ императору Юстиніану, создало это строеніе, «куполъ котораго держится въ воздухѣ, можно сказать, противно законамъ природы». И точно также современный равнодушный зритель здѣсь не можетъ не почувствовать очарованія сильнѣйшаго и непреодолимаго; онъ едва ли не готовъ прошептать про себя, подобно Мохаммеду: поистинѣ, одинъ Аллахъ. Должно быть, ничто на землѣ не можетъ служить такимъ яркимъ и безспорнымъ доказательствомъ мысли, что искусство просто и «боговдохновенно», какъ Святая Софія. Довольно войти въ нее, чтобы понять это душой. Это на самомъ дѣлѣ вдохновенное, патетическое строеніе, произведеніе свѣтлаго безумія, совершенно не отъ разума, но полное гармоніи, какъ созданіе самой природы. И здѣсь, когда стоялъ у входа, Мохаммедъ былъ правъ не какъ мусульманинъ, а какъ философъ: эта церковь, соединяющая новый міръ со старымъ и, какъ сказали греки, небо съ землею, она—порывъ къ единству. Она—каменный гимнъ искусству, которое даетъ намъ ощущеніе Единства, и открываетъ небо, одно для всехъ, для людей Аллаха и Христа.

Мохаммедъ испыталъ это, стоя передъ дверью, надъ которой виденъ карнизъ съ пзображеніемъ летящаго голубя надъ кнпгою, раскрытой на словахъ: «Я дверь;

Л. О. Пастернакъ.

кто войдетъ Мною, спасется, и войдетъ и выйдетъ и пажитъ найдеть». Здѣсь символически изображено не только значеніе вѣры, но и значеніе искусства.

Какое вѣяніе гармоніи охватываетъ душу, когда, войдя, окинешь взглядомъ всю тихую и свѣтлую громаду Святой Софіи, и взглядъ утонетъ въ куполѣ, который виситъ надъ вами, точно небо. «Мы почитаемъ Бога въ Троицѣ и троицность въ Единствѣ» сказалъ когда-то св. Аонасін, и эта сказка изъ камня создана словно для того, чтобъ сдѣлать видимой эту метафизическую основу христіанства. Въ ней все подчинено великой мысли о трехъ моментахъ божественнаго творчества. Все исходитъ отъ этого колоссальнаго купола, въ который, возносясь, открываются два полукупола и образуютъ гармоническое единство изъ трехъ, и все къ нему возвращается.

Тихій, тихій свѣтъ струится оттуда, изъ-подъ купола, и, отраженный имъ, надаетъ внизъ, ровный и ясный. Днемъ онъ голубоватый, а на закатѣ розовый. И все цвѣтные мраморы портиковъ и золотящаяся мѣдь колонныхъ подножіи, повторяютъ свѣтъ, и не знаешь, что лучше, свѣтъ или отблески его въ мраморѣ и золотѣ. Но свѣтъ не заливаешь храма яркой волной; когда стоишь, не видишь, откуда онъ течетъ, и кажется, что это самыя стѣны и колонны свѣтятся изнутри, сквозятъ многоцвѣтные мраморы.

Свѣжія циновки, мягко подающіяся подъ ногой, устилаютъ полъ, шаговъ не слышно; не слышно громкихъ голосовъ. Подъ портикомъ, между колоннъ, уѣлились кучкой на коврѣ молодые софты; передъ ними, на раскинутыхъ, украшенныхъ перламутромъ шопитрахъ, Юранъ въ зеленомъ сафьянѣ. Заглушенно повторяютъ они слова ученія, раскачиваясь въ тактъ. Голоса ихъ слиты въ размерный гулъ, точно жужжитъ огромный, роящійся улей.

На амвоиѣ, тамъ, гдѣ когда-то былъ ходъ въ алтарь, подъ лѣстницей минбера, старикъ мулла въ свѣтло-зеленомъ одѣяніи, простершись ницъ, вздыхая, что-то шепчетъ. На коврѣ возлѣ него раскрытая книга, и на ней большія круглыя желѣзные очки. Подъ другимъ портикомъ, у самаго подножія колонны, прижавшись, тихо дремлетъ старый, старый турокъ-бѣдпакъ. Голова повязана тряпичей, синій, вылинявшій архалукъ распахнулся, и видна его темная, покрытая волосами грудь, тонкіе штаны изъ синей носкони обтрепались внизу, и худыя, босыя ноги обнажились почти до колѣнъ. Опершись спиною о колонну и поджавъ колѣни, онъ дремлетъ; голова откинута, сѣдая борода свисаетъ на грудь, глаза закрыты, на лицѣ улыбка, добрая и тихая. Этотъ старикъ—нищій; у него пѣтъ дома, ему негдѣ жить и негдѣ умереть, и онъ живетъ здѣсь, у ногъ божества. Его не гонять, не гонять никого, кто пришелъ въ Айя Софію отдохнуть и найти покой души. Старикъ тутъ и умретъ, у ногъ божества. И онъ забылъ теперь о своей нищетѣ и о несчастьяхъ, и подъ музыкальный гулъ голосовъ, отдающихся въ сводахъ, онъ грезитъ о свѣтломъ.

Надъ головами людей, невысоко, сажени па три отъ пола,—тихо поблескиваютъ, чуть колеблясь, круги висящихъ въ воздухѣ лампадъ. Подъ куполомъ, изъ оконъ въ окна, трепеща крыльями, перелетаютъ голуби, освѣщенные солнцемъ. Сердце обнимаетъ глубокий и радостный миръ.

Тихо вступаешь подъ портикъ. Пройдешь его до самаго восточнаго конца, мимо дивныхъ колоннъ, поддерживающихъ боковыя галлерен, снова взглядывая въ средину храма, погружая взглядъ въ море яснаго свѣта, и начинаешь видѣть красоту частей; колоннъ, изъ которыхъ четыре, темпо-темпо зеленого мрамора,

были привезены изъ Эфеса, изъ храма Артемиды, а восемь, темно-темно краснаго порфира,—изъ храма Солнца въ Баальбекѣ; ихъ подарила Юстиніану нѣкая Марція ради спасенія своей души. Пройдешь туда, до конца, до экзедры, гдѣ колонны прерываютъ свою прямую линію и полукружіемъ сходятся къ алтарю, одна за одной, точно движутся, какъ танцующіе въ хорѣ. Идешь, а въ душѣ совершается музыка; смотришь на роскошныя подробности и все время чувствуешь впечатлѣніе цѣлаго, все время оно поетъ въ дугѣ. Мысль возвращается къ куполу и свѣту. Здѣсь нельзя наслаждаться чѣмъ-нибудь однимъ, нельзя остановиться передъ частностью, какъ въ соборѣ Петра, похожемъ на музей; ничто не притягиваетъ и не подавляетъ взгляда; частности говорятъ о цѣломъ, а цѣлое поглощаетъ частности въ себѣ. Общее съ отдѣльнымъ слито въ прекрасномъ единствѣ.

Иногда я приходилъ и подолгу простаивалъ у колоссальныхъ пилястровъ, которые, вздымаясь отъ земли, переходятъ въ арки, поддерживающія куполъ; стоялъ и думалъ: это, дѣйствительно, чудо. Когда Юстиніанъ рѣшилъ въ своемъ строеніи соединить базилику съ круглымъ купольнымъ храмомъ, ни одинъ архитекторъ, ни даже самъ Антемій изъ Траллеса, не думали, что можно такъ повѣсить куполъ въ воздухѣ. Это казалось дерзостью, да и было дерзостью; сама природа чуть не возстала противъ этого. Когда одна изъ двухъ «лорон», изъ арокъ, поддерживающихъ куполъ, не была еще сведена въ срединѣ, пилястры, подъ тяжестью ея, вдругъ дали трещины. Всѣмъ было ясно, что, еще немного, и они рухнутъ, и нужно будетъ отказаться отъ этой дерзкой постройки. Антемій и Исидоръ, испуганные, бросились къ Юстиніану, уже не надѣясь на себя. Юстиніанъ,—такъ говоритъ Прокопій,—«неизвѣстно по какому побужденію, но, вѣроятно, вдохновленный небомъ, такъ какъ онъ, вѣдь, не строитель, приказалъ скорѣй закончить арку. Она,—сказалъ онъ,—опираясь вверху сама на себя, не будетъ болѣе нуждаться въ поддержкѣ пилястровъ. Если бы тому не было свидѣтелей, то я бы и не сталъ рассказывать этой исторіи; всякому она можетъ показаться нелѣпостью, но свидѣтелей много». Каменщики свели арку вверху и все случилось такъ, какъ говорилъ Юстиніанъ; арка торжественно и свободно повисла въ воздухѣ, и съ тѣхъ поръ пилястровъ не могли пошатнуть даже землетрясенія, разрушавшія другія части храма.

Изумительна была и постройка самыхъ пилястровъ. Глыбы камня въ нихъ соединены не титаномъ, цементомъ того времени, не асфальтомъ, гордостью Вавилона и не какимъ-нибудь другимъ связующимъ веществомъ; онѣ спаяны свинцомъ. Его расплавленнымъ вливали между глыбами, и, войдя въ поры камня, онъ навсегда скрѣпилъ ихъ въ одну вѣчную скалу. Все было тутъ чудесно, отъ этихъ глыбъ до капителей, въ которыхъ все лишнее устранено и которымъ придана невыразимо изящная форма.

А матеріаль, изъ котораго создана эта каменная пѣснь, это плѣнительное зрѣлище «мраморныхъ луговъ, распростертыхъ на возвышенностяхъ и въ низинахъ великаго зданія!» Зеленые камни Кариста и многоцвѣтные мраморы фригійскихъ хребтовъ, въ которыхъ розовый румянецъ смѣшивается съ матовой блѣдностью и съ глубоко-красными капельками крови; весь горящій звѣздами порфиръ; изумрудная зелень изъ Спарты и сверкающій мраморъ съ извивами жилы, надъ которымъ работалъ рѣзецъ въ Иессейскихъ долинахъ, извлекая на свѣтъ его кроваво-красныя и бѣлыя сплетенія; и свѣтлый лидійскій камень,

слившій въ себѣ бѣлое и красное, и камень, который ливійское солнце возрастило золотыми лучами въ глубокихъ ущельяхъ, камень, сверкающій зологомъ; и произведеіе кельтскихъ скалъ, горный хрусталь; вкрапленный въ черную тьму каменныхъ плитъ, точно пятна снѣга на базальтѣ; и мраморъ, привезенный изъ «страны Атракса», частью зеленый, какъ изумрудъ, частью синій, цвѣта васильковъ, покрытый свѣтлыми точками. Все возможное и извѣстное людямъ—великолѣпіе природы было здѣсь собрано. Изъ нему прибавили великолѣпіе искусства, роскошь безцѣнныхъ мозаикъ, и все слилось въ гармоническомъ цѣломъ, въ послѣднемъ достиженіи греческаго духа, въ каменной пѣснѣ о мудрости Бога.

И эта пѣснь пережила все: пережила слагателей ея, и народъ, изъ котораго вышли слагатели; ея не уничтожилъ народъ разрушителей, но сохранилъ и изъ нея заимствовалъ все свое зодчество. И она живетъ, побѣдивъ, и торжествуя надъ разрушеніями природы и человѣка. Живетъ и снова покоряетъ человѣчeskія души обаяніемъ таинства единенія, проявляемаго во множественности; въ немъ, вѣдь, и есть откровеніе божественной «Софіи» всѣхъ религій и всѣхъ философій, которыя говорятъ, что все произошло отъ «числа единого» и къ нему возвратится.

Смотрѣть на нее не устанешь, думать о ней всегда—наслажденіе. И, кто бы ни былъ вступаящій въ ея свѣтлую тишину, всѣ одинаково чувствуютъ здѣсь на себѣ власть искусства, которое также сильно, какъ Богъ.

Константинополь.

В. Т а р д о в ъ.

